

ВЕЛИКИЙ СУЛТАН АМИР ТИМУР КУРАГАН В КРУГУ УЧЕНЫХ СВОЕЙ ЭПОХИ

GREAT SULTAN AMIR TEMUR KURAGAN AMONG CONTEMPORARY SCHOLARS

© 2017 Ф.М. Махмудов

Узбекистан

«... и эта [тема-метафора] была объектом глубокого [длительного] обсуждения и диспута между ними (Тафтазани и Джурджани) в присутствии его высочества Султана Амира Тимура Гурагана в представительном собрании крупных ученых в Самарканде»

Комментарий трактата о метафоре Ходжа
Абул Касым ас-Самарканди¹

Почти все городские центры нашей страны и сегодня имеют полное право называться богатейшей сокровищницей духовного, научно-культурного наследия величайших ученых, мыслителей, поэтов, художников не только Средней Азии, но и всего Востока. Еще начиная с IX-X вв. Самарканд и Бухара удостоились во всем мире высокого звания Центров научного прогресса, культурного расцвета и ярчайшего литературного полета. А в эпоху великого полководца и государственного деятеля Амира Тимура и Тимуридов благодаря этим Центрам к нашим научным, культурным достижениям приобщались широкие круги ученых разных стран, обогатив их своими яркими произведениями, особенно на арабском, фарси и тюркских языках. В.В. Бартольд, подчеркивая просветительскую миссию Тимура, привлечение им в столицу империи грамотного населения, отмечает: «Тимур старался привлечь на свою сторону культурное население, особенно его высшие классы и тех представителей духовенства, которые по своему значению соответствовали Садрам (знаменитым учёным, корифеям науки - Ф.М.) XII-XIV веков. Все его завоевательные стремления были направлены в сторону культурной Передней Азии»².

Ученым известно, что в эту эпоху свободное владение тремя языками уже было характерно для образованной личности, и это было закономерно не только для интеллигенции, но и жизнен-

© 2017 F.M. Makhmudov

Uzbekistan

‘... and this [theme – metaphor] was the object of a profound [long] discussion and dispute between them (Taftazani and Jurjani) in the presence of His Majesty Sultan Amir Temur Kuragan and an honourable assembly of major scholars in Samarkand’

A comment at the treatise on metaphor by Khoja
Abul Kasym as-Samarkandi¹

Even today almost all urban centres in Uzbekistan fully deserve the title of the richest treasuries of spiritual, scientific and cultural heritage left by the greatest thinkers, scholars, poets and artists from Central Asia and the entire Orient. As far back as the 9th-10th centuries Samarkand and Bukhara were recognised as centres of scientific progress, cultural rise and the brightest literary bloom. At the time of Tamerlane (Amir Temur), the great commander and politician, and the Timurid dynasty, these centres attracted to the region’s scientific and cultural achievements a wide range of learned men from all over the world, who complemented them with their own works, particularly those in Arab, Farsi and Turkic. V. V. Bartold highlighted Tamerlane’s role in enlightenment and his efforts to bring learned people to the capital of his empire: ‘Timur did his best to attract educated people, particularly the upper classes and those members of the clergy that were at the same level with 12th-14th-century *sadrs* (famous scholars, leading figures in their fields – F. M.). All his conquering ambitions aimed at the civilised part of the western Asia.’²

According to specialists, in that period to speak fluently three languages was quite natural for an educated person, and this was not only a common principle for the intelligentsia, but also a vital necessity for most of the urban population. This is why historians unanimously refer to the period of Tamerlane

ной необходимостью для большинства городского населения. Поэтому эпоха Амира Тимура и Тимуридов единогласно отмечена историками как эпоха общего, народного духовного подъема, которая породила когорту одаренных, выдающихся личностей. «Конец XIV и XV вв., - писал В.В. Бартольд ровно 99 лет тому назад, - были для Туркестана временем небывалого внешнего блеска. Под властью Тимура и его потомков вновь были объединены Иран и Туркестан»³.

Именно в этот период, наряду с появлением бесценных произведений по естественнонаучным дисциплинам и – шире - культуры, начало накапливаться большое количество шедевров рукописной книги в вышеуказанных научных Центрах. В эпоху Тимура возникали и функционировали рынки книг, рукописи караванами поступали со всего Ближнего и Среднего Востока, а также – из некоторых Западных стран, и в таком обилии, разнообразии – одна краше другой... Не каждый манускрипт удостоился попасть в руки настоящего хозяина-хранителя и «иметь честь» быть сохраненным. В султанских библиотеках, частных и конфессиональных, хранились наиболее популярные произведения ученых, поэтов, художников, различавшимся в основном по следующим критериям:

- по содержанию;
- по мастерству каллиграфии и высококачественной шелковистой, с гладкой поверхностью, хрустящей и прочной кустарной бумагой; рукопись считалась превосходной, если она была написана единым каллиграфическим почерком стойкой разноцветной тушью от «Бисмиллах» до «Хатима»;

- по уровню оформления художниками, лаввами и качественному художественному переплету. Такой манускрипт никого не оставлял равнодушным.

Чуть более чем 25-летний опыт описания арабских рукописей в различных книгохранилищах Узбекистана даёт мне право сказать, что большинство рукописей, которые дошли до нас, особенно начиная с эпохи Амира Тимура до начала XX века, соответствуют вышеуказанным критериям. Многие экземпляры имеют удивительную, порой тра-

and the Timurids as the period of universal national spiritual rise, which gave birth to a cohort of gifted outstanding personalities. ‘The late 14th-15th centuries, as V. V. Bartold wrote exactly 99 years ago, were the time of *unprecedented outward lustre for Turkestan. Iran and Turkestan were united under the rule of Timur and his descendents*³.

That was the period of emergence of a number of priceless works in natural sciences and, in a broader sense, culture, and that was the time when the stock of handwritten masterpieces began accumulating in the abovementioned cultural centres. Book markets emerged and developed in large numbers in the reign of Tamerlane; caravans brought manuscripts from all over the Middle and Near East and some western countries, which were very numerous and extremely diverse... However, not each of the manuscripts was fortunate to find a descent keeper and ‘have the honour’ to be preserved. Royal libraries, private and confessional, kept the most popular academic, scientific, poetic and artistic works, which could be classified according to the following criteria:

- contents;
- calligraphic skill and the quality of handmade paper, some of which had a silky, smooth and crispy surface; a manuscript was thought highest-grade if its text was written throughout, from ‘bismillah’ to ‘hatima,’ in uniform calligraphy using fast inks;
- the quality of the work of artists and *lavvachs* and level of binding; hardly anyone can remain indifferent to a manuscript with beautiful illustrations and high-quality artistic binding.

I have been working describing Arab manuscripts in different libraries in Uzbekistan for a little over 25 years, which allows me to maintain that most of the manuscripts that have reached our days, particularly those written between Tamerlane’s period and the early 20th century, have all the characteristics of high-quality works of this type. Some of them can boast very interesting and sometimes even tragic fates. The fact that they have survived through many centuries to present themselves to us is a true luck not only for our country, but for the global civilisation as well; the manuscripts kept in Uzbekistan contain an indescribably huge spiritual, cultural and scientific potential accumulated by talented people in the East,

гическую судьбу. То, что они сквозь столетия все-таки добрались до нас, - это большое счастье не только нашей, но и мировой цивилизации; наши рукописи - это неопишувемый, громадный духовно-нравственный, научный потенциал глубинных слоев познания восточного, особенно мавереннахрского таланта.

Тщательное их исследование является нашей главной миссией, задачей местных ученых - носителей этих языков. Касаясь проблемы исследования рукописей, которая остается до сих пор важной в Узбекистане (и во всей Центральной Азии), В.В. Бартольд еще в конце XIX в. писал: «Серьезное изучение истории Края еще находится впереди... и главная роль при этой работе должна принадлежать местным деятелям»⁴.

Подготовка исследователей древних арабских рукописей, нумизматов, квалифицированных специалистов по эпиграфике, эпиграфии, памятникам восточной палеографии и папирологии родного края, именно из коренного населения, должна быть одной из самых священных миссий востоковедения. Арабографическая ветхая рукопись - это в большинстве случаев готовые, точные, порой *точнейшие* ответы на различные духовно-нравственные и научные злободневные вопросы. По письменным сообщениям прошлого мы можем воссоздать панораму развития различных спектров наук, состояние общественной жизни, уровень грамотности, определять значимость духовно-социальной культуры народа, извлекать самое лучшее из нее и точнее ориентироваться в прогнозе будущего. Некоторые из источников настолько богаты подробными сведениями по различным направлениям наук и искусства, что нужно *без промедления* приступить к их исследованию, переводу и реализации на основе вполне определенных, давно готовых научных данных, конкретных планов, географических карт, астрономических таблиц, математических формул, отраженных в рукописях.

Это означает, что коренное возрождение, перевод, интерпретация этих книг на доступном научно-художественном уровне, их критическое издание и представление широкому кругу ученых и нашему народу должны быть первостепенной задачей.

and in Maverannahr in particular, through investigating into the most profound essences of things.

Our main mission and the principal task of local researchers, specialists in the languages they are written in, are to study the manuscripts as scrupulously as possible. In the late 19th century V. V. Bartold touched the issue of studying manuscripts, which remains important in Uzbekistan (and entire Central Asia) to this day: 'The most serious research into the history of the region is still to be completed ... and local specialists must play a key role in this work'⁴.

To select out of local people and train experts in ancient Arab manuscripts, numismatists and specialists in epigraphy, epitaphs, palaeography to work in Uzbekistan must be one of orientalism's primary tasks. An old manuscript in Arab in most cases contains ready and accurate, sometimes *most accurate* answers to a wide range of spiritual, ethical and scientific questions. Written messages from the past allow us to recreate the panorama of the development of diverse sciences, the situation in social life and the level of knowledge in people and establish the importance of a nation's spiritual and social culture to extract the best elements from it and make more accurate forecasts of the future. Some of the sources are so rich in information about various fields of science and art that we should *without delay* start studying and translating them and use the specific information they contain, such as scientific data, ideas, geographic maps, astronomic tables, mathematic formulae and other.

It means that to resuscitate, translate and interpret these manuscripts at an appropriate scientific and artistic level, as well as to make their critical analysis and present them to a wide range of researchers and ordinary people in our country is a task of paramount importance.

Currently, the Alisher Navoi National Library of Uzbekistan ranks among the country's most important treasuries and contains one of the largest collections of rare oriental manuscripts. The library is currently working actively on producing a systematic specialist catalogue of Arab, Persian, Tajik and Uzbek manuscripts, some of which are true masterpieces telling, apart from many other things, about Tamerlane, his time and the time of the Timurid dynasty.

Сегодня Национальная библиотека Узбекистана им. А. Навои является одним из важнейших сокровищниц страны, в том числе и по редким восточным рукописям. В данный период идет полным ходом работа над составлением систематизированного, научного каталога арабских, персидско-таджикских и узбекских рукописей, среди которых немало шедевров, в том числе и об Амуре Тимуре, его эпохе и эпохе Тимуридов.

К этим источникам можно отнести две аналогичные, прекрасно сохранившиеся рукописи: это «Рахимовская летопись» (автор Мир Сайид Шариф Рахим, жил в XVII в.), переписанная в XIX в. разными каллиграфами⁵, и рукопись «Джами-ут-таварих»⁶ - «Собрание летописей» - جامع التواريخ - по всеобщей истории и истории монголов в частности. Таких достижений, по мнению В.В. Бартольда, «в средние века не было ни у одного народа ни в Азии, ни в Европе»⁷.

Труд فضل الله بن ابى الخير بن على المشتهر بالرشيد الطيب автора Фадлуллаха б.Аби-л-хайр б.Али ар-Рашида ат-Табиба (1247-1318), прославленного историка, государственного деятеля и врача; известен также под названием «История Газания»⁸ المشتهر بتاريخ غازانية -

Он состоит из 345 листов и написан изящным каллиграфическим почерком насталик на узбекском языке. Эта рукопись отличается от других списков двумя особенностями: нетрадиционным, большим размером и удивительным каллиграфическим, мастерски-современным почерком насталик на узбекском языке. Она, как большая историческая энциклопедия, охватывает истории разных стран мира с древнейших времен до потомков Тимура; в конце рукописи в цветной художественной рамке написано поздравление иранского инженера Аббаса Мазда узбекскому народу по случаю 20-летия Узбекской ССР и вручения этого уникального подарка, приводится дата и подпись: «مهندس عباس مزدا طهران بهمن ماه 1333 خورشیدی» - «инженер Аббас Мазда 1333 г.х./январь 1945 г.»⁹.

Изучая рукописи, можно соприкоснуться с уникальным поэтико-прозаическим Баёзом (Пв-91) - Сборником лучших поэтико-прозаических образцов произведений классиков арабской, персидско-таджикской и узбекской литературы

These sources include two manuscripts on the same subject, both in a perfect state: The Chronicles of Rakim (written by Mir Sayid Sharif Rakim in the 17th century and re-written by various calligraphers⁵ in the 19th century) and Jami-Ut-Tavarikh⁶ ('a collection of chronicles') - جامع التواريخ - works on general history and the history of the Mongols, in particular. According to V. V. Bartold, 'no other people, either in Asia or in Europe,' could boast such achievements.⁷

The work فضل الله بن ابى الخير بن على المشتهر بالرشيد الطيب by Fadlullah b.Abi-l-khayr b.Ali ar-Rashid at-Tabib (1247-1318), a renowned historian, politician and doctor, also known as The History of Gazaniya - المشتهر بتاريخ غازانية⁸, consists of 345 pages and is written in Uzbek using the graceful *nastalik* letters. The non-standard large size, the extremely beautiful, highly artistic and masterly calligraphy and the Uzbek language are what distinguishes this manuscript from its kind. It is a type of historical encyclopaedia covering the history of various countries across the world from ancient times to the period of Tamerlane's descendants. At the end of the manuscript there is a colourful artistic frame containing congratulations on the 20th anniversary of the Uzbek SSR from Iranian engineer Abbas Mazda to the Uzbek people, with a date and signature at the bottom: «مهندس عباس مزدا طهران بهمن ماه 1333 خورشیدی ژانویه 1945 میلادی» 'engineer Abas Mazda, the year of 1333 of the Hegira/January 1945'⁹.

As we make further research into the manuscripts we come across Bayoz (Пв-91) – a unique collection of the best poetic and prosaic examples of the Arab, Persian, Tajik and Uzbek classical literature with historical stories about the Timurids, including 'Padishah Akbar ben Khumoyun, who at the age of 12 ascended the throne in Delhi and successfully ruled the state for 52 years; he was always lucky in everything; his sardars were indistinguishable from padishahs, while his soldiers were as talented as powerful kings; his proper (lucky) leadership (upbringing) helped build the largest monuments at the time; people say that...' (p. 36b)

«اما سلطان قوی طالع دوست نواز دشمن کداز اکبر بادشاه بن همایون در سنه دوازده سالگی بر تخت دار السلطنه دهلی جلوس فرمود و بنجاه و دو سال بر مستقر کامرانی زندگانی کرد و به هر جا که روی آوردی دولتت یاری و بخت یآوری نمودی، سروران او دم از بادشاهی زندی و نوکرانش استعداد

с историческим повествованием о Тимуридах, в том числе об «Акбар падишахе бен Хумоюне, который в 12 лет занял Делийский трон и 52 года правил государством успешно; всегда и везде удача сопутствовала ему; его сардары ничем не отличались от падишахов, а его солдаты были наделены талантом мощного правителя; благодаря его правильному (счастливному) руководству (воспитанию) воздвигли крупнейшие памятники эпохи...»: (л. 36 б)

«اما سلطان قوی طالع دوست نواز دشمن کداز اکبر بادشاه بن همایون در سنه دوازده سالگی بر تخت دار السلطنه دهلی جلوس فرمود و بنجاه و دو سال بر مستقر کامرانی زندگانی کرد و به هر جا که روی آوردی دولتت یاری و بخت یآوری نمودی، سروران او دم از بادشاهی زندی و نوکرانش استعداد سلطنت داشتندی و به یمن تربیتش یدکای های سترک روزگار گذاشتند، آورده اند که چون یدکای های سترک روزگار (Баёз Пв-91, л. 36 б)10»

Также доступны и другие, не менее важные, источники об этой эпохе.

(Дополнение: первый том литографического издания на персидском языке «Темурнома» содержит сведения о близких потомках Тимура, его рождении до аудиенции Тимура с послом и внуком Турецкого Султана (Қиصر Рум) Султаном Шибли в Самарканде:

داستان نامه فرستادن قيصر روم برسما ايلجلى كرى بامير - История о том, как Турецкий Султан отправляет письмо Амиру Тимуру Курагану о заключении дипломатических отношений)11.

Специалистам известно, что одной из одаренных личностей эпохи Сохибкирана был видный среднеазиатский философ, литератор, логик, факих - яркий представитель Калама - науки Богословия, риторики - ораторства и грамматики - Саъд-уд-дин Масъуд ибн Умар ат-Тафтазони سعد الدين مسعود بن عمر التفتازانى (род. в 1322 - ум. в 1389-1390). Аллама Тафтазани по приглашению Амира Тимура, а также видных ученых Мавераннахра во второй половине 14 в. прибывает в Самарканд. Тимур создает для расцвета творческой личности все условия. Несмотря на преклонный возраст, ученый неустанно, плодотворно трудится и создает одно произведение за другим, многие его трактаты написаны при дворе Тимура. В фонде рукописей Национальной библиотеки Узбекистана хранится несколько ценных произведений

سلطنت داشتندی و به یمن تربیتش یدکای های سترک روزگار (Bayoz Pв-91, p.36 б)10.

We have access to some other sources related to this period, which are no less significant.

(addition: Volume 1 of a lithographic edition in Persian titled *Temurnoma* provides information on Tamerlane's nearest descendants, as well as about Tamerlane himself, from his birth to his meeting with the ambassador and the grandson of the Sultan of Turkey (قیصر روم)), *Shibli, in Samarkand:*

داستان نامه فرستادن قيصر روم برسما ايلجلى كرى بامير - this is a story of how the Sultan of Turkey sent a letter to Amir Temur Kuragan with an offer to establish diplomatic relations)11.

According to researchers, one of the more gifted persons at Tamerlane's time was Sad-ud-din Masud ibn Umar at-Taftazani, an outstanding Central Asian philosopher, author, logician and *faqih* – a bright representative of *kalam*, a branch of scholarship dealing with theology, rhetoric and grammar (سعد الدين مسعود (بن عمر التفتازانى) (born 1322, died 1389-1390). Following an invitation from Tamerlane and a group of outstanding scholars from Maverannahr, Taftazani arrived in Samarkand in the second half of the 14th century. Tamerlane produced a favourable environment for the development of a creative person. Despite being quite an old man, Taftazani worked hard and fruitfully, creating one treatise after another; many of his works were written in Tamerlane's court. The collection of manuscripts at the National Library of Uzbekistan contains several valuable works by Taftazani. In 2017 an interesting piece of work was discovered in one of them, testifying to Tamerlane's great interest in a number of disciplines, including the deep meaning of the statements in the Koran – a bright example of the Arab artistic literature. This piece, which in the list of library's items and in the index card was mentioned as one book, *Mukhtasar-Ul-Vikaya*, written by Ubaydulla b. Masud b. Taju-sh-sharria, is actually a collection of several independent works created by different authors. After each of them had been studied and described, it became clear that the collection consists of 12 different works written in different styles and sometimes absolutely unconnected with one another: number 11 (Пв-138/11) is titled

Тафтазани. В апреле 2017 г. среди его трудов было обнаружено интересное сообщение, свидетельствующее об огромном интересе Сохибкирана к различным ветвям наук, в том числе и к глубинным смыслам, значениям Корана – ярчайшего примера арабской художественной словесности. Это сборник, который в инвентарной тетради Библиотеки и краткой записи карточки, приложенной к рукописи, значился только как одно произведение «Мухтасар-ул-викая» Убайдуллаха б. Масъуда б. Таджу-ш-шарри», - на самом деле несколько отдельных, самостоятельных произведений разных авторов. При исследовании и описании каждого из них было уточнено, что сборник содержит 12 разных, порой совсем не относящихся друг другу произведений разных направлений, и 11-ое из них («Пв-138/11») называется «Рисолаи Истиораи Ходжа Абу-л-Касым ас-Самарканди» - رساله استعاره - «Трактат о метафоре Ходжи Абу-л-Касыма ас-Самарканди» (л. 240а).

На указанном листе приводится часть комментария о книге Ходжа Абу-л-Касыма (ум.в 888/1483 г. в Самарканде)¹²,

اسم الكتاب: رساله الاستعاره السمرقنديه. شرح الاستعارات السمرقنديه. فرائد الفوائد (العوائد) لتحقيق معاني الاستعاره؛ اسم المؤلف: ابو القاسم بن ابي بكر الليثي السمرقندي
 где сообщается, что в научном обсуждении и презентации книги принимали участие видные ученые того времени, обсуждалась тема о метафоре в присутствии самого Сахибкирана Амира Тимура в Самарканде: «و مما ينبغي أن ينبه عليه أن الإستعارة في المركب ليست إستعارة متعددة بان شبه معنى كل جزء من المركب بشيء و يستعار لفظ ذلك الشيء المشبه به لمعنى ذلك الجزء و يجمع تلك الاستعارات و يجعل استعارة للمركب، بل هي إستعارة واحدة مبتنية على تشبيه واحد و تحقيق ذلك أن يؤخذ أمور متعددة من المشبه و يجمع في خاطر و كذا من المشبه به و يجمع المجموعات متشاركين في مجموع منتزع يشملهما؛ و يختلف في أن طرف التشبيه التمثيلي الذي هو مدار هذه الاستعارة هل يجوز أن يكون مفردا أم لا؛ فذهب المحقق النفتازاني إلى جواز كون كل من طرفيه مفردا و ذهب المحقق الشريف إلى وجوب التركيب في كل من طرفيه كوجوبه في وجه التشبيه و قال كلما يذكر الطرف مفردا كما في قوله تعالى: مَثَلُهُمْ كَمَثَلِ الَّذِي اسْتَوْفَدَ نَارًا ... فمنه ^ يعلم ^ ألفاظ مقدره ينساق الذهن إليها إلا أنهم أطلقوا المفرد عليه نظرا إلى الظاهر، و هذا هو المبحث الذي طال فيه



Risolai Istorai Khoja Abu-l-Kasym as-Samarkandi - رساله استعاره خواجه ابو القاسم السمرقندی - 'a treatise on the metaphor of Khoja Abu-l-Kasym as-Samarkandi (p. 240a).

The given page contains an extract from a comment on the book by Khoja Abu-l-Kasym (died in Samarkand in 888/1483)¹²,

اسم الكتاب: رساله الاستعاره السمرقنديه. شرح الاستعارات السمرقنديه. فرائد الفوائد (العوائد) لتحقيق معاني الاستعاره؛ اسم المؤلف: ابو القاسم بن ابي بكر الليثي السمرقندي
 which tells how a group of outstanding scholars took part in the discussion and presentation of the book in Samarkand and spoke about metaphor in the presence of Sakhibkiran Amir Temur (Tamerlane) himself: «و مما ينبغي أن ينبه عليه أن الإستعارة في المركب ليست إستعارة متعددة بان شبه معنى كل جزء من

البحث و المناظرة بينهما (أى بين التفتازانى و الجرجانى، فيض خواجه) بحضرت السلطان الأعظم أمير تيمور كوركان بمحضر من العلماء الكبار فى بلدة ثمرقند (سمرقند، ف) : شرح رساله إستعاره خواجه أبو القاسم « رساله استعاره خواجه أبو القاسم سمرقندى»

«И то, что следует обращать на нее внимание, это - Метафора или Истиора с составной частью, и она не означает, что имея множество частей, является множественной ввиду того что значение каждой составной части построено (исходит) из одного предмета (понятия), и применяется метафорическое выражение - المشبه به (букв. похоже на него) - для того чтобы выразить образное значение той части (определенной цели образно); и соединяясь вместе (т.е. несколько образных выражений) они составляют - الإستعارة فى المركب - составную метафору; (хотя она составная, т.е. используется сразу несколько метафорических выражений на основе одного источника) несмотря на это, она одна метафора и основывается всегда на одном сравнении...

Разногласие (между учеными) было в том, что разве Образная (известная всем, или в виде поговорок) метафора - التشبيه التمثيلى - , которая является стержнем Истиоры, может ли попарно употребляться в ед. числе (или слова к слову) или нет (т.е. соответствовать в числе, роде своему подразумеваемому или нет)? По этому вопросу возникло разногласие между исследователями Тафтазони и Шарифом Джурджони; Тафтазани придерживался мнения о допустимости каждой части метафоры (уподобление единственного числа к уподобляемому в единственном числе), но исследователь Джурджони считал соответствие конструкции каждой части к другой обязательным (необходимым) в качестве необходимого общего атрибута (признака) для обеих частей - وجه شبه - (для большей выразительности и легкого достижения цели Истиоры, например: *ее лицо сияло солнцем*, т.е. «сияние» относится и к солнцу и к лицу возлюбленной поэта, оно является для обеих частей обоюдным знаменателем - وجه الشبه المشترك - Ф.М.), и говорил (Джурджони): *всякий раз, когда одна из сторон Истиоры (используется) в единственном числе, то и другая часть тоже должна соответствовать единственному числу, как, например, в Божественном слове:*

المركب بشيء و يستعار لفظ ذلك الشيء المشبه به لمعنى ذلك الجزء و يجمع تلك الاستعارات و يجعل استعارة للمركب ، بل هي إستعارة واحدة مبتنية على تشبيه واحد و تحقيق ذلك أن يؤخذ أمور متعددة من المشبه و يجمع فى خاطر و كذا من المشبه به و يجمع المجموعات متشاركين فى مجموع منتزع يشملهما؛ و اختلف فى أن طرف التشبيه التمثيلى الذى هو مدار هذه الاستعارة هل يجوز أن يكون مفردا أم لا؛ فذهب المحقق التفتازانى إلى جواز كون كل من طرفيه مفردا و ذهب المحقق الشريف إلى وجوب التركيب فى كل من طرفيه كوجوبه فى وجه التشبيه و قال كلما يذكر الطرف مفردا كما فى قوله تعالى: *مَثَلُهُمْ كَمَثَلِ الَّذِي اسْتَوْقَدَ نَارًا... فمنه ^ يعلم ^ ألفاظ مقدره ينساق الذهن إليها إلا أنهم أطلقوا المفرد عليه نظرا إلى الظاهر، و هذا هو المبحث الذى طال فيه البحث و المناظرة بينهما (أى بين التفتازانى و الجرجانى، فيض خواجه) بحضرت السلطان الأعظم أمير تيمور كوركان بمحضر من العلماء الكبار فى بلدة ثمرقند (سمرقند، ف) : شرح رساله إستعاره خواجه أبو القاسم « رساله استعاره خواجه أبو القاسم سمرقندى»*

'We should keep in mind that this is Metaphor or Istiora composed of several parts and that its compound structure does not make it multiple, because the meaning of each of its components is built on (ensues from) one object (concept), and metaphorical expression - المشبه به (lit. 'similar to it') is used to express the figurative meaning of that part (figuratively determined goal); and as they unite (that is, several figurative expressions), they make up - الإستعارة فى المركب - a compound metaphor; (although it is compound, that is, several metaphorical expressions are used based on one source) notwithstanding, this is one metaphor and it is always based on one simile...

They (scholars) disputed whether or not Figurative (known to all or having the form of a proverb) Metaphor - التشبيه التمثيلى - which is the pivot of Istiora can be used in pairs in the singular (or word to word) (that is, correspond in number and gender to what it implies). The opinions of researchers Taftazani and Sharif Jurjoni on this question diverged: Taftazani supported the idea of acceptability of each part of metaphor (the assimilation of the singular to the assimilated in the singular), but Jurjoni thought each part must (needed) correspond in structure with the other one, which was a common essential attribute (feature) of both parts - وجه شبه - (to make the metaphor more expressive and facilitate the achievement of Istiora's goal: (e.g. in the phrase 'her face shone like the sun' 'shining' relates to both the sun and the face of the poet's lover - a common denominator for both parts - المشترك وجه الشبه - F. M); and he (Jurjoni) said:



Фрагмент другого произведения Тафтазани «Тракта-та об углах треугольника», рук. Пв-138/10 (фонд Национальной библиотеки Узбекистана)
 A fragment of The Treatise on the Corners of Triangle, another work by Taftazani, manuscript Пв-138/10 (collection of National Library of Uzbekistan)



مَثَلُهُمْ كَمَثَلِ الَّذِي اسْتَوْقَدَ نَارًا فَلَمَّا أَضَاءَتْ مَا حَوْلَهُ ذَهَبَ اللَّهُ بِنُورِهِمْ وَتَرَكَهُمْ فِي ظُلُمَاتٍ لَا يُبْصِرُونَ
 «Они подобны тому, кто разжег огонь. Когда же огонь озарил все вокруг него, Аллах лишил их света и оставил их в темноте, где они ничего не видят» (Бакара, 17). Под этими словами следует понимать, что память (действительно) подчиняется им (эти слова влекут ее), но (и это следует не забывать), что хотя они (в указанном аяте) названы в единственном числе (... ما حوله ذهب الله بنورهم -) الذي, но это только по внешней стороне (слова), по форме (на самом деле подразумевается мнч.)...
 ... и эта [тема - метафора] была объектом глубокого [длительного] обсуждения и диспута меж-

every time one of Istiora's parts is (used) in the singular, the other part must also be in the singular, such as those in the Word of God:
 مَثَلُهُمْ كَمَثَلِ الَّذِي اسْتَوْقَدَ نَارًا فَلَمَّا أَضَاءَتْ مَا حَوْلَهُ ذَهَبَ اللَّهُ بِنُورِهِمْ وَتَرَكَهُمْ فِي ظُلُمَاتٍ لَا يُبْصِرُونَ
 "They are like the one who lit the fire. When the fire illumined all around it, Allah deprived them of light and left them in darkness where they could not see anything (Al Baqarah, 17). These words mean that memory (indeed) obeys them (these words attract it), but (these should not be forgotten) although (in the mentioned ayah) have the singular form (... الذي-), this is merely an outward aspect (of the word), while its form (actually implies the plural)..."

ду ними (Тафтазани и Джурджани) в присутствии его высочества Султана Амира Тимура Курагана в представительном собрании крупных ученых в г. Самарканде»¹³.

Настоящий письменный факт является ярким доказательством живого интереса Великого полководца к процветанию наук, культуры, искусства; его непосредственного участия в научном обсуждении, презентации данной книги («По риторике»), в форуме видных мыслителей империи. Это письменное свидетельство его заботы о представителях науки, культуры и искусства.

К сожалению, возможно, из-за многочисленности рукописей в фондах страны или их трудночитаемости, труднопереводимости мы часто изучаем рукописи *поверхностно*: большинство, несмотря на их глубокое содержание, *описываются в двух-трех предложениях, больше внимания уделяется художественно-техническим* сторонам рукописей, а не сути самого манускрипта. Аналогичных рукописей не бывает. Специалист по описанию рукописей должен внимательно прочитать не только текст оригинала, но и дополнения и незначительные, на первый взгляд, комментарии на полях, над и под строкой, порой фиксированные в перевернутом виде в каком-то не виданном прежде углу листа, а знания указанных трех языков - первый критерий к допуску описания восточных манускриптов. Поэтому каждая рукопись, пусть она будет *تاریخ راقم* или *دیوان نوائی*, или *مختصر نوائی* в многочисленных аналогичных экземплярах, имеет свои особенности, свои отличительные черты, свою духовно-нравственную позицию как полноценный живой источник. В этих аналогичных рукописях порой утаена ценная информация о духовно-научной и социальной жизни исследуемой эпохи. Востоковеды других стран всегда обращались и обращаются сейчас к нашим рукописям по необходимости: им нужна та часть информации, которая относится к их странам и их ценностям. Наши ученые-востоковеды просто не имеют права следовать им. Доскональное изучение рукописи, особенно со всеми дополнениями к тексту вокруг него, должно быть неотъемлемой частью работы местного ученого-востоковеда.

«Таъкидлаш жоиз, ханузгача темуришунослик ва темурийлар тарихи мавзуси бўйича аниқлик

... and this [theme – metaphor] was the object of a profound [long] discussion and dispute between them (Taftazani and Jurjani) in the presence of His Majesty Sultan Amir Temur Kuragan and an honourable assembly of major scholars in Samarkand»¹³.

This real handwritten fact is a bright illustration of the Great Conqueror's lively interest in the development of sciences, arts and culture, which is supported by his direct participation in the scientific discussion and in the presentation of this book (On Rhetoric) in company with the empire's most progressive thinkers. This is a piece of written evidence of his care about people of science, culture and art.

Unfortunately, either because of the large number of manuscripts kept in Uzbekistan's libraries or because they are hard to read and translate, we often analyse them but *superficially*, and most of them, though being quite deep and comprehensive in essence, are described in a couple of sentences, with more stress put on the manuscripts' artistic and technical aspects and not their subject matter. There are no identical manuscripts. A specialist in describing manuscripts should read carefully not only the body of an original, but also all addenda and seemingly unimportant comments on margins and between lines, which are sometimes placed upturned and unnoticeable in the corner of a page. Moreover, excellent command of all the three mentioned languages is the key criterion for a permission to describe oriental manuscripts. Therefore, each manuscript, either *تاریخ راقم*, *دیوان نوائی* or *مختصر نوائی*, and their numerous versions has its own distinguishing features and its own spiritual and ethic attitude as a comprehensive live source. These similar manuscripts sometimes conceal valuable information on the spiritual, cultural and social life of the period under study. To this day orientalists from other countries use our manuscripts whenever it is necessary for them, as they need the information that relates to their countries and their values. Uzbek orientalists simply have no right to follow them. To investigate scrupulously into a manuscript, including all its addenda, must be essential for local specialists in oriental studies.

Takidlash joiz, hanuzgacha temurshunoslik va temuriylar tarixi mavzusi bo'yicha aniqlik kiritilishi kerak bo'lgan qator muammolar mavjud. Bular Amir Temur va temuriylar davri etnogenezi masalalari, harbiy yu-

киритилиши керак бўлган қатор муаммолар мавжуд. Булар Амир Темур ва темурийлар даври этногенези масалалари, ҳарбий юришларнинг мақсад ва вазифалари, асл моҳиятини ёзма манба, ҳужжатларга асосланиб ёритиши, дипломатик муносабатлар, Амир Темур боғларининг чизмалари ва макетларини турли қирраларига оид алоҳида илмий тадқиқотларни амалга ошириши, хуллас, ёзма манбалар асосида олинган маълумотларни янада чуқурроқ тадқиқ этиши мақсадга мувофиқ»¹⁴.

После прочтения этой рукописи (апрель 2017 г.), особенно той части комментария, где говорится, что научные дискуссии проходили в присутствии самого Амира Тимура, читатель может задаться вопросом: что могло привлечь внимание Великого полководца, военного стратега в этих, на первый взгляд, чисто научных спорах ученых? Более того, что является в них побудителем, вернее, вдохновителем того, чтобы призывать Султана по своей инициативе организовать подобные авторитетные научные Форумы (это подчеркивается в тексте)? На наш взгляд, это невероятная сила притяжения коранического, гуманного, мудрого слова, сила метафоричности всех 114 сур, порой почти всех аятов; это сила глубинных значений, слоев познания этого Божественного шедевра, которая выражается в метафорах, метонимиях, ярчайших риторических примерах; это призыв к духовной и физической чистоте, призыв к порядку и спокойствию, к борьбе ради торжества справедливости, торжества равноправия. Это зов Корана к любви, согласию, милосердию и покаянию.

Вот что вдохновило Сохибкирана Амира Тимура участвовать в дискуссиях видных ученых своей эпохи, организовывать научно-культурные события лично и в масштабе своей империи.

При Дворе Амира Тимура вели плодотворную творческую деятельность поэты, писатели, ученые разной направленности - математики, химики, астрономы, врачи и т.д. со всего мусульманского Востока. Именно в это время был возведен фундамент Восточного Ренессанса Тимуридов.

Дополнительные сведения о рукописи:

Дата появления сочинения – XVI в.; язык - арабский; тема - риторика, красноречие, ораторское искусство; 4 л. (2386- 241а); особых украшений не имеет; дата переписки: 1277х./1861 г.

*rishlarning maqsad va vazifalari, asl mohiyatini yozma manba, hujjatlarga asoslanib yoritish, diplomatik munosabatlar, Amir Temur bog'larining chizmalari va maketlarini turli qirralariga oid alohida ilmiy tadqiqotlarni amalga oshirish, xullas, yozma manbalar asosida olingan ma'lumotlarni yanada chuqurroq tadqiq etish maqsadga muvofiq*¹⁴.

After the reading of this manuscript (April 2017), particularly the part of the comment mentioning that the academic discussions were held in the presence of Tamerlane himself, the readers may ask themselves a question: what could attract the Great Conqueror known primarily for his military genius in these, as it seems, purely academic debates between scholars? And further, which part of these discussions motivated or, rather, inspired the Sultan to initiate these academic Forums with the participation of outstanding thinkers (which is highlighted in the text)? In our opinion, it was the incredible attraction of the humane and wise Koranic word, the metaphorical power of all the 114 suras and almost all ayahs; it was the power of underlying meanings and the layers of perception of this Divine Masterpiece expressed in metaphors, metonymies and brightest examples of rhetoric; it was the call to spiritual and physical purity, the call to peace and order, to struggle for the sake of justice and triumph of equal rights. It was the call of the Koran for love, reconciliation, mercy and repentance.

These were what inspired Tamerlane to take part in discussions between renowned scholars of the time and organise academic and cultural events, both on the private and empire scale.

Tamerlane assembled poets, writers and researchers in diverse fields, such as mathematicians, chemists, astronomers, medical men and others from all over the Islamic Orient in his court and inspired them for active and creative work. That was the time when the foundation for the Timurids' Oriental Renaissance was laid.

Additional information on the manuscript:

Creation date – 16th century; language – Arab; topic – rhetoric, eloquence; 4 pages (2386- 241a); no special adornments; re-writing date: 1277 of Hegira/1861 (p. 238a); re-written by: Muhammad Amin (19th century); some comments and notes in the text

(л. 238а); переписчик: Мухаммад Амин (XIX в.); некоторые комментарии, примечания к тексту даются на фарси; по 24-25 строки на одной странице; пайгири, порой необычайной форме, всецело соблюдается размер переплета 24x14,5см; размер листа - 24x13,5см; размер текста - 16x8см.; текст заключен в красную рамку; заглавия писаны киноварью, бумага кустарного производства, плотная, кремового цвета высокого качества; по мнению специалистов - кокандская, место переписки - Коканд. Почерк - курсивный насталик.

Начало (после бисмилла): اما بعد فان معانى الاستعارة (؟) و ما يتعلق بها قد ذُكِرَتْ فى الكتب مفصلة عسيرة الضبط فاردت ذكرها مجملة مضبوطة على وجه نطق به كتب المتقدمين و نظمت فرايد عوايد لتحقيق

Конец основного текста الذى طال المناظرة بينهما (أى بين التفتازانى و الجرجانى، فيض خواجه) بحضرت السلطان الأعظم أمير تيمور كوركان بمحضر من العلماء الكبار فى بلدة ثمرقند (سمرقند،ف) : شرح رساله استعاره خواجه أبو القاسم « رساله استعاره خواجه أبو القاسم سمرقندى :

Переплет картонный, прочный, светло-зеленого цвета с тремя овальными печатями без легенд; корешок - кожаный; каждый трактат выделен специальным "пупаком", что определяет высокое общественное положение рукописи и ее владельца; книга определено служила источником преподавания для мударриса-муфассира и законоведа; применялась в деятельности мусульманских законоведов.

are in Farsi; 1 page contains 24–25 lines; *paygiri*, of an unusual form in some places, binding size is the same throughout – 24 x 14.5 cm; sheet size – 24 x 13.5 cm; text size – 16 x 8 cm; text is enclosed in red frame; heads are written in cinnabar, paper is handmade, thick, creamy in colour and of high quality; according to experts, paper was made in Kokand; text was re-written in Kokand. Writing style – italic *nastalik*.

Beginning (after 'bismillah'): اما بعد فان معانى الاستعارة (؟) و ما يتعلق بها قد ذُكِرَتْ فى الكتب مفصلة عسيرة الضبط فاردت ذكرها مجملة مضبوطة على وجه نطق به كتب المتقدمين و نظمت فرايد عوايد لتحقيق

End of the main body of the text هذا هو المبحث الذى طال فيه البحث و المناظرة بينهما (أى بين التفتازانى و الجرجانى، فيض خواجه) بحضرت السلطان الأعظم أمير تيمور كوركان بمحضر من العلماء الكبار فى بلدة ثمرقند (سمرقند،ف) : شرح رساله استعاره خواجه أبو القاسم « رساله استعاره خواجه أبو القاسم سمرقندى :

The binding is strong light green cardboard with three oval stamps without legends; the back is leather; each treatise is separated with a special 'pupak', which means both the manuscript and its owner were of a high social rank; the book was definitely used by a *mudarris-mufassir* and lawyer for teaching; it was used by Muslim lawyers in their work.

¹ Национальная библиотека Узбекистана, фонд редких рукописей, рук. Пв-138, л. 240а

² Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Ленинград, 1927. С. 94.

³ Бартольд В.В. Культура мусульманства, Петроград, 1918. С. 92.

⁴ Туркестанские ведомости, 1894, № 7.

⁵ Фонд редких рукописей Национальной библиотеки Узбекистана. Пв-141, Пв-142.

⁶ Фонд редких рукописей Национальной библиотеки Узбекистана. Пв-13.

⁷ Бартольд В.В. Туркестан, 2, 47.

⁸ Фонд библиотеки. Пв-13, л. 36.

⁹ Фонд библиотеки. Пв-13, л. 36.

¹ National Library of Uzbekistan, department of rare manuscripts, manuscript Пв-138, p. 240а

² Bartold V.V. Istoriya kulturnoy jizni Turkestana. Leningrad, AN SSSR, 1927. S.94.

³ Bartold V.V. Kultura musulmanstva, Petrograd, 'Ogni', 1918. S. 92.

⁴ Turkestanskije vedomosti, 1894, №7.

⁵ Fond redkikh rukopisey Natsionalnoy biblioteki Uzbekistana. Pv-141, Pv-142.

⁶ Fond redkikh rukopisey Natsionalnoy biblioteki Uzbekistana. Pv -13.

⁷ Bartold V.V. Turkestan, 2, 47

⁸ Fond biblioteki. Pv-13, l.36.

⁹ Fond biblioteki. Pv -13, l.36.

- ¹⁰ Фонд Службы редких рукописей Национальной библиотеки Узбекистана. Пв-91, л. 36 б.
- ¹¹ Фонд Службы редких рукописей Национальной библиотеки Узбекистана. Пв-91, л. 36 б. С. 131-155.
- ¹² СВР АН Узб. ССР, т. 1, № 451. <http://al-mostafa.info/data/arabic/depot3/gap.php?file=m002333.pdf>, <http://www.al-mostafa.info/data/arabic/depot>
- ¹³ **Ходжа Абул-Касым ас-Самарканди.** Комментарий трактата о метафоре. Национальной библиотеки Узбекистана. Рук. Пв-138, л. 240а.
- ¹⁴ **Бўриев О., Шарипов А.** Темурийлар тарихи давлат музейида темурийлар даври тарихининг долзарб масалаларига бағишлаб ўтказилган анжуманлар // Темурийлар даврида илм-фан ва маданият ривожини ўрганиш ва тарғиб қилишнинг умумбашарий аҳамияти. Тошкент, 2015. 37-41 б.
- ¹⁰ Fond slujby redkikh rukopisey Natsionalnoy biblioteki Uzbekistana. Pv -91, l.36 b.
- ¹¹ Fond slujby redkikh rukopisey Natsionalnoy biblioteki Uzbekistana. Pv -91, l.36 b. S. 131-155.
- ¹² SVR AN Uzb. SSR, t.1, №451. <http://al-mostafa.info/data/arabic/depot3/gap.php?file=m002333.pdf>, <http://www.al-mostafa.info/data/arabic/depot>
- ¹³ **Khodja Abul-Kasym as-Samarkandi.** Kommentariy traktata o metafore, Nats. Bibl. Uzb., rukopis, PV-138, l. 240 a.
- ¹⁴ **Burieva O., Sharipova A.** Temuriylar tarikhi davlat muzeyida temurliylar davri tarikhining dolzaeb masalalariga bagishlab utkazilgan anjumanlar // Temuriylar davrida ilm-fan va madaniya, Toshkent: Akademnashr, 2015. 37-41 b.